

В заключение необходимо остановиться на двух рукописях, которые Вейцман без достаточных оснований относит к XIII в. Это Октатевх в Ватопеде (602) и Деяния и послания апостолов в Ватиканской библиотеке (gr. 1208). Октатевх, с его сухой линейной трактовкой, является типичным памятником позднего XII в.¹ Ватиканский манускрипт, произвольно отнесенный Алпатовым² и Буберлем³ к XIV в., в действительности возник на рубеже XI и XII веков. Он органически входит в группу рукописей этого времени (Marc. gr. 541; Plut. VI, 28 и Vatic. gr. 1158),⁴ повидимому исполненную в одной мастерской. Никогда бы мастер XIII в. не дал фигуры апостолов на золотом фоне, не наметив даже линии почвы и отказавшись от всяких сопроводительных архитектурных аксессуаров. Такой абстрактный композиционный прием возможен лишь в искусстве Комниновской эпохи.

С большинством положений Вейцмана мы никак не можем согласиться. При всей актуальности затронутых им вопросов следует все же признать, что эти вопросы не получили своего разрешения в его статье.

В. Н. Лазарев

„ТАЙНА ПСЕВДО-ДИОНИСИЯ АРЕОПАГИТА“

Вышедшая под этим заглавием в Тбилиси, в издании Академии Наук Грузинской ССР, на русском языке (с резюме на английском), сначала (в 1942 г.) отдельной книгой, а затем (в 1944 г.) в виде статьи в т. XIV „Известий“ Института языка, истории и материальной культуры им. академика Н. Я. Марра (стр. 1—55), монография

¹ Октатевх в Ватопеде принадлежит к тем передовым по стилю памятникам XII в., к числу которых следует отнести также росписи Нереза, Дмитриевского собора во Владимире и миниатюры II Джруцского евангелия в Тбилиси.

² M. Alpatov: A Byzantine Illuminated Manuscript of the Palaeologue Epoche in Moscow. — Art Bulletin 1930 (XII), p. 218.

³ P. Buberl und H. Gerstinger. Die byzantinischen Handschriften. 2. Die Handschriften des 10—18 Jahr. (Die illuminierten Handschriften und Inkunabeln der National Bibliothek in Wien. 4—2. Leipzig, 1938), S. 64.

⁴ Н. Кондаков. История византийского искусства и иконографии, стр. 251—254; S. Beissel. Vaticanische Miniaturen, Freiburg im Breisgau. 1893, S. 18—20. Табл. X, XII; A. Friend. The Portraits of the Evangelists in Greek and Latin Manuscripts. — Art Studies 1927 (5). Рис. 92—94, 140—141; H. Peirce and R. Tyler. Byzantine Art. London, 1926, p. 52. Табл. 90; J. Tikkanen. Op. cit., S. 180; P. Buberl und H. Gerstinger. Op. cit., S. 64.

проф. Ш. И. Нуцубидзе посвящена выяснению одного момента сложной идеологической борьбы, имевшей место в V—VI вв. как в самой Византии, так, особенно, на периферии и за ее рубежом — в Сирии, Палестине, Армении, Грузии.

„Тайна“ Псевдо-Дионисия Ареопагита заключается в том, что книга, написанная во второй половине V в., была приписана Дионисию, бывшему деятелю ареопага, который жил в I в. н. э., — таково общее положение современной науки по данному вопросу. Установлено также, что ареопагитские книги, возникшие в районе Газ в Сирии и вышедшие из-под пера некоего епископа Газского, получили признание в 531 г.

Перебирая всех известных по разным источникам деятелей V—VI вв., в частности тесный христологический круг из Газ, в лице Исаии, Петра Ивера и Эния, проф. Нуцубидзе останавливается на Петре Ивере, как на вероятном авторе ареопагитских книг, в основу которых легли неоплатонические идеи Прокла: ведь Петр Ивер, епископ Майумский в Газах, был крупной фигурой теологической и философской мысли на Ближнем Востоке. К такому выводу наш автор приходит ввиду совпадения взглядов, сохранившихся в высказываниях Петра Ивера, со взглядами Псевдо-Дионисия как в определении понятия добра, так и по ряду вопросов монофизитской, или, пожалуй, компромиссной монофизитско-диофизитской христологии.

Особенно интересными являются вопросы, поднятые в последней (VII) главе, трактующей о судьбе ареопагистики на Ближнем Востоке в проявлениях сирийских, армянских и грузинских источников.

Увязка грузинских источников с проблемой Псевдо-Дионисия имеет то значение, что благодаря ей, по мнению автора, удается расшифровать недоуменное место в начальной строфе поэмы „Тамариани“, посвященной царице Тамаре (1184—1213), классика грузинской литературы XII в. Чахрухадзе:

Вы мудрословы, мира основы,
Славьте Тамары мысль могучую;
Лишь Дионосу, вторя Эносу,
Петь, славословя всемогущую.¹

Исходя из того, что в последующих строфах Чахрухадзе упоминаются Сократ, Платон, Аристотель, столпы античной философии, Ш. И. Нуцубидзе полагает, что „Энос поставлен рядом с Дионисием для того, чтобы разъяснить, что имя Диониса употреблено

¹ Чахрухадзе. Тамариани. Перев. с грузинск. Шалва Нуцубидзе. Тбилиси, 1942.

поэтом не в прямом значении, а как покров и прикрытие для какого-то другого имени“ которое „нельзя было прямо назвать, да еще в начале поэмы“. Чахрухадзе под Дионосом „поставил человека, который в своем лице соединял и Дионисия и Петра, Майумского епископа, грузина родом“, причем „из всех мыслителей мирового масштаба только мыслитель — грузин родом мог оказаться для воспевания грузинской царицы Тамары более подходящим, чем даже Платон и Аристотель“. Коротко говоря, „поэт Чахрухадзе в XII в. в Грузии воспроизвел историко-философский факт псевдонима Дионисия Ареопагита и подставил под него философского друга Эния, лучшего певца Тамары — грузина Петра Ивера“. „Такова единственная возможность раскрытия поэтического замысла Чахрухадзе“, — заключает автор монографии.

Таковы выводы монографии Нуцубидзе, которая, несомненно, будет способствовать разрешению ряда проблем не только византийской, но и смежных (в том числе грузинской и армянской) литератур. Монография имеет целью заполнить пустое место ареопагитских книг Петром Ивером и вычитать в чахрухадзевском Дионосе псевдоним того же Петра Ивера.

Задача византинистов — откликнуться на монографию проф. Нуцубидзе и высказаться относительно приемлемости или неприемлемости ее основных положений.

Л. Меликсет-Бек
